

М.Ю. ЛОМОНОСОВ¹

¹ Тюменский государственный университет.
625001, Тюмень, ул. 8 Марта, д. 2, корп. 1.

ПАСПОРТ, ГРАЖДАНСТВО И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ИЛИ «РАЗРУШИТЕЛЬСТВО»?¹

Аннотация. В связи с повышением интереса к проблематике миграции, гражданства и национализма в последние два десятилетия оформилась междисциплинарная область критических исследований паспорта. На первом этапе исследователи исходили из институционалистского взгляда на национализм, а также теорий дисциплинарных режимов и общества надзора. Они сосредоточивались на том, как документ и сопутствующие ему институциональная инфраструктура, административные и социальные практики используются в формировании современных национальных государств, очерчивая физические, социальные и культурные границы нации и дисциплинируя граждан. В последнее время все большее число авторов исследуют низовые формы восприятия и практики использования заграничных и внутренних паспортов. Эти исследования демонстрируют, как паспорта помогают людям обойти попытки государств «охватить» собственное население и выстроить такой режим гражданства, который ставит целью максимально кооптировать граждан в национально-государственный проект и социально исключить неграждан. Обзор критической литературы о паспорте позволяет сделать вывод о том, что многоаспектность паспортного феномена дает возможность разным социальным акторам включать документ в процессы, способствующие как национально-государственному строительству, так и эрозии национальных государств. Кроме того, литература о документе, который является ярким воплощением гражданства, позволяет говорить об ослаблении связи последнего с национальным государством, о производстве в настоящее время гражданства и гражданственности акторами разных уровней.

Ключевые слова: гражданственность; идентификационные документы; международная миграция; нациестроительство; национальная идентичность; общество надзора; паспорт; перформативное гражданство; режим гражданства; технология власти.

Для цитирования: Ломоносов М.Ю. Паспорт, гражданство и гражданственность: национально-государственное строительство или «разрушительство»? // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 1. С. 76–96. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7845

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках проекта № 19-011-31640 «Либерально-правовое гражданство в “кризисе”: новые основания политической принадлежности в современном обществе».

Современные трансформации мировой экономической системы, геополитическая конкуренция, углубление неравенства сопровождаются ростом миграционных потоков. Одновременно усиление национализма, сложности консолидации «слабых» государств при снижении «качества населения» и проблемы интеграции переселенцев формируют целый ряд вызовов как для отправляющих, так и для принимающих обществ. В этих условиях растет интерес академического сообщества к миграции и гражданству. В последнее время на страницах российских флагманских журналов в области социологии, демографии, политологии, антропологии, а также международных отношений и регионоведения (например, МЭМО, «Современная Европа», «Азия и Африка сегодня») ежегодно публикуются по меньшей мере несколько работ, посвященных миграционной и диаспоральной проблематике. Исследования гражданства в России и в других странах СНГ до сих пор остаются уделом правоведов, хотя и эта область привлекает внимание все большего числа политологов, социологов, антропологов и историков. Поэтому кажется удивительным явный недостаток отечественных исследований, посвященных паспорту и связанным с ним государственным институтам, социальным и культурным практикам, семиотическим процессам. Ведь в современном мире именно паспорт является главным свидетельством принадлежности человека к государству и политическому сообществу, своеобразным «документом документов» [1, с. 7]. Тем не менее в системе РИНЦ проще найти работы о паспортах специальностей, объектов, безопасности, здоровья, прочности, чем о паспорте гражданина.

На фоне недостатка отечественных работ о паспорте и развивающегося академического интереса к миграции, гражданству и национализму действительно прорывной нам представляется последняя книга А.К. Байбурина [1] о советском паспорте, вышедшая в 2017 г. и переизданная в 2019 г. Этот объемный труд, ставший результатом многолетних теоретических и эмпирических изысканий и применения целого ряда качественных методов, можно назвать программным. Он отражает многовекторную повестку международных «паспортных исследований» и намечает возможные пути их развития в нашей стране. В книге обзревается теоретические подходы к осмыслению документа, очерчивается методология его изучения, прослеживаются вехи развития паспортной системы в России как механизма социального контроля, анализируется символизм государственного документа и, что особенно важно, его низовое восприятие. Настоящую статью мы рассматриваем как дополнение исследовательской программы А.К. Байбурина. Статья содержит обзор влиятельной, преимущественно англоязычной, литературы о паспорте последних двух десятилетий, а также оценку того, какие следствия имеют выводы этой литературы для понимания гражданства.

Стоит отметить, что случай России и постсоветских государств представляется уникальным по причине существования «внутреннего» паспорта. Некоторые исследователи, особенно советологи, справедливо отмечают, что отлаженная система внутренних паспортов являлась отражением «административного доминирования» тоталитарного государства и одним из основных средств «внутренней колонизации» населения [19, р. 83–84]. Пристальный государственный надзор над передвижением и социализацией советских граждан ярко проявился в институционализации «внутренней визы» — штампа о прописке [34, р. 917]. В XIX в. российское патримониальное государство старалось с помощью системы внутренних паспортов не только контролировать жизненные траектории, но и привязать мобильных подданных к локальным сообществам и социальным группам традиционного общества. Таким путем правительство стремилось избежать повторения трагического опыта Запада — пауперизации, маргинализации и радикализации рабочего класса по мере развития капитализма и модернизации общества [29]. Тем не менее существование развитых регистрационных процедур исторически было характерно для целого ряда стран, в том числе для ФРГ. В более широкой сравнительной перспективе институты и заграничного и внутреннего паспортов являются формами «коллективных систем регистрации и идентификации», примерами «сложных сетей политического и социального контроля», «приписывания и кодификации индивидуальной идентичности», в конце концов, следствием развития современного бюрократического национального государства. Эти институты формируют административно очерченный и «различный народ ... поддающийся управлению» [14, р. 1, 4, 8]. Одновременно как заграничный, так и внутренний паспорта по-разному используются и интерпретируются населением, дают начало «неканоническим» паспортным практикам [1, с. 279–448; 29]. Именно поэтому современные исследования рассматривают их как схожие и сравнимые феномены, составные части институционально разветвленной инфраструктуры гражданства, включающей разные системы регистрации и идентификации [1, с. 29–36; 14; 39, р. 158–168].

Паспорт в государственном и национальном строительстве

Начало оживленной международной дискуссии о паспорте положила новаторская работа Джона Торпи [39], которая по воле случая вышла из печати менее чем за год до событий 11 сентября. В своем исследовании Дж. Торпи предлагает пересмотреть устоявшийся взгляд на транснационализм как последствие послевоенной капиталистической глобализации, предполагающей ускоренное перемещение людей, товаров и капиталов через государственные границы. Вместо этого ученый предлагает обратить внимание на процесс «навязывания населению государств и границ» [39, р. 5–6], в котором паспорт играет ключевую роль. Дополняя известные наблюдения М. Вебера относительно прин-

ципов функционирования современных государств, Дж. Торпи отмечает, что монополизация права на насилие в последние два столетия дополнялась построением системы рационального административного надзора, включая паспортизацию населения. Исследуя развитие паспортной системы в Западной Европе и США, ученый заключает, что усилия национальных государств по регулированию миграции были подстегнуты противостоянием великих держав и соображениями безопасности во время Первой мировой войны [39, р. 111–121] и завершились уже после Второй мировой институционализацией и нормализацией паспортного контроля [39, р. 143–157] на глобальном уровне. Таким образом, паспортизация привела к «экспроприации [государствами] легитимных средств передвижения» и установлению казенной монополии на санкционирование миграций [39, р. 4]. Она усилила власть институтов государства, позволив им «охватить» общество: административно «огородить» население, поставить его на учет, распространить контроль на разные сферы жизни и в конце концов национализировать политическое пространство [39, р. 10–14]. Паспорт дал возможность устранить как «множественную лояльность» на международной арене, так и многочисленные местнические определения гражданства. Он стал одновременно свидетельством и средством формирования зависимости гражданина от центральной власти.

На схожие процессы последних двух с половиной столетий обращает внимание в своей научно-популярной работе Мартин Ллойд [27], хотя его повествование начинается с описания ранних вариантов представительных писем в Древнем Египте и Риме. Как бывший сотрудник британской Иммиграционной службы и автор цикла публичных лекций, он ставит целью критику массовых представлений о паспорте как средстве, способствующем более легким и безопасным путешествиям. Промышленная революция, вызвавшая как рост международной торговли и туризма, так и укрепление государственных институтов, по мнению М. Ллойда, поспособствовала универсализации паспорта как официального документа, средства контроля над передвижениями, фиксации личности, идентичности и гражданства путешественника, а не просто стихийно создаваемого гарантийного письма от наделенных властью индивидов и организаций (царственных особ, вельмож, компаний и т. д.). Причем стандартизация и национализация проездных документов во многих случаях были ответом на попытки негосударственных акторов избежать надзора центральной власти вроде неудавшегося бегства Людовика XVI в Варенн по «паспорту» лакея русской баронессы Корф и проникновения в 1858 г. во Францию организатора покушения на Наполеона III Ф. Орсини по документам, выданным главой британского Форин-офиса. М. Ллойд отмечает особую роль послевоенной Международной конференции 1920 г. по паспортам, таможенным процедурам и проездным документам

в закреплении монополии национального паспорта на международной арене и принятии единого паспортного стандарта членами Лиги наций [27, р. 121]. Он отмечает, что этот стандарт со временем был без сопротивления принят государствами, образовавшимися в процессе деколонизации. Паспортизация стала глобальным явлением.

Несмотря на то что Дж. Торпи и М. Ллойд в своих монографиях преимущественно сосредоточиваются на трансформации практик перемещения людей под влиянием таких явлений, как правовое закрепление принадлежности к государствам и установление границ между человеческими сообществами в дополнение к физическим границам, оба автора также подчеркивают роль паспортной системы в формировании идентичности и субъектности граждан. Подобный подход следует в фарватере конструктивистской теории национализма, предложенной Э. Геллнером и связывающей появление наций с образованием институционально развитых централизованных государств. Например, Дж. Торпи подчеркивает, что устойчивая индивидуальная идентичность является продуктом современности, поскольку ее фиксация зависит от процесса официальной идентификации. Ученый отмечает, что после введения национальных паспортов люди «становятся зависимыми от государств в своем праве обладать определенной “идентичностью”» [39, р. 4]. Теперь гражданам стоит больших усилий избежать санкционированной государством идентичности, «которая может резко сузить возможности менять юрисдикции» [39, р. 166]. Последствием глобального распространения паспортной системы становится усиление связи между государственной, территориальной и этнорасовой принадлежностью.

Полнее, чем у Дж. Торпи и М. Ллойда, тезис о влиянии паспортной системы на фиксацию социальных идентичностей и культурную гомогенизацию национальных государств был развит Крейгом Робертсоном в его книге о паспорте США. По мнению К. Робертсона, введение паспорта ознаменовало формирование на рубеже XX в. «документного режима освидетельствования идентичности» [35, р. 17], который заменил существовавшие ранее «внедокументные» практики идентификации человека и многочисленные интерпретации идентичности на уровне семьи, соседского коллектива и локального сообщества. В то время как до вмешательства национального государства «предположение о том, что идентичность может быть задокументирована, не было очевидным» [35, р. 3], новый режим предписывал ее рационализацию, стандартизацию и административную верификацию. Он трансформировал субъективные и изменчивые стремления индивидов к той или иной форме самоидентификации в четкую процедуру фиксации идентичности человека в коллективной памяти государства, памяти государственного архива. Таким образом, национальное государство формировало устойчивые идентичности, более

подверженные бюрократическому контролю и управлению. Режим документного освидетельствования постепенно охватывал все население государства независимо от социального положения и культурных различий, способствуя отождествлению принадлежности к государству и национальности.

Соглашаясь с выводами об использовании паспорта в государственном и национальном строительстве, специалист по международным отношениям Марк Солтер напоминает, что «стабильное государство требует [внешнего] признания» [37, р. 12]. Именно анализ международного контекста является основным вкладом этого автора. По его мнению, паспорт представляет собой «документную попытку спроецировать власть одного суверенного государства на территорию другого» [37, р. 16]. Документ превращается в материально оформленное связующее звено «между суверенитетом, национальностью и территориальностью», «сплетение правовой власти, идентичности и места происхождения» [37, р. 121]. Паспорт как воплощение юридической принадлежности к той или иной стране позволяет национальным государствам распространять власть не только на собственную суверенную территорию, но и на «собственных» граждан независимо от их местонахождения². Паспортизация дает возможность дополнить систему контроля на межгосударственных границах режимом административного надзора и дистанционного патрулирования «до и после самих границ» [37, р. 155]. В конечном счете это позволяет национальным государствам поддерживать себя в качестве завершенных и замкнутых институциональных образований (*bounded polities*) путем установления трех социально-политических режимов: карантинного (возможность физически и юридически закрывать границы в случае внешних угроз, таких как война или эпидемия), геополитического (стратегическое позиционирование в иерархии «цивилизованных» и «нецивилизованных» стран) и надзорного (дополнение прямых ограничений и наказаний самодисциплиной граждан, вызванной рутинной демонстрацией административно-принудительной мощи) [37, р. 159].

Аналитический подход, предложенный Дж. Торпи, М. Ллойдом, К. Робертсоном и М. Солтером, спровоцировал волну работ, продолжающих исследование паспорта как инструмента правового, институционального, дисциплинарного и символического строительства национального государства. Такая научная повестка нашла широкий отклик среди исследователей советских и российских внутренних паспортов. Хейс Кесслер [24], основываясь на архивных материалах, пересматривает устоявшуюся в литературе точку зрения о советской паспортизации 1930-х гг. как средстве привязать голодающих крестьян

---

² См. подробнее [13] о современных государствах не только как о территориальных организациях (*territorial organizations*), но и как об организациях с установленным составом членов (*membership organizations*).

к земле и подстегнуть коллективизацию. Он обнаруживает, что система паспортов и прописки использовалась правительством прежде всего для сотворения советского гражданина — в качестве механизма «очищения» «стратегических городов» от «неблагонадежных элементов» и создания атмосферы дисциплинарного страха для обеспечения лояльности советскому проекту жителей населенных пунктов разных категорий (о масштабах «очистки» см. подробнее: [7; 8]). Другой исследователь советской паспортизации 1930-х гг. В. Голдман соглашается с выводами о стратегии «социального очищения» и контроля над внутренними миграциями, но для объяснения нововведений предлагает обратить внимание также на меркантилистские устремления государства. Подобно петровским указам начала XVIII в., постановления правительства 1932–1933 гг. имели целью «обеспечение производства и максимума дохода для государства». Способствуя прикреплению людей к заводам, «внутренний паспорт 1932 г. обещал замедлить текучесть кадров, контролировать источники новой рабочей силы, устранить “безработных” и содействовать развитию новых форм рабочей дисциплины» [3, с. 72].

Обращаясь к постсоветскому периоду, Сенер Актюрк [10] изучает правовые документы, публицистику и материалы СМИ. На основе этих источников он разбирает обстоятельства устранения строки об этнической принадлежности (национальности) из российских внутренних паспортов. С его точки зрения, федеральные власти последовательно боролись за ликвидацию «пятого пункта» на протяжении 1990-х гг., поскольку рассматривали его не просто в качестве изжившей себя бюрократической формальности, а как серьезное препятствие на пути новой стратегии национального строительства. Изъятие графы «национальность» из паспорта отражало стремление центральной власти деполитизировать этничность в условиях центробежных устремлений региональных элит и нарастающей мобилизации как этнических меньшинств, так и большинства (см. также: [38]).

Продолжая «нациестроительскую» исследовательскую традицию, но более внимательно анализируя случай этнорасовых меньшинств, многие авторы рассматривают паспорт как эффективный инструмент установления строгого дисциплинарного режима страха для обеспечения послушания и ассимиляции недоминирующих групп.

Амитава Кумар [25], привлекая в качестве источника личные архивы и фотодокументы переселенцев, утверждает, что паспортный контроль вступает в противоречие с жизненным миром и богатым транснациональным опытом мигрантов, но достигает цели — привить мигрантам чувство унижения, бессилия и бюрократической незащищенности. Лили Чо [16] анализирует работы современных фотографов-портретистов из числа этнических меньшинств, которые предлагают свои художественные интерпретации фотографий в паспортах

богатых западных государств. По ее мнению, в условиях продолжающейся этнокультурной диверсификации Глобального Севера для значительной категории граждан паспорт становится инструментом недоверия, субординации и символического насилия, а не средством идентификации. Фотографии на паспорт иллюстрируют усилия западных правительств по формированию субъектности дисциплинированного, уравновешенного и рационального гражданина через установление в публичном пространстве строгого эмоционального режима. Этот режим призван скрыть тяжелый жизненный опыт миграции, чувство тоски по родине и сохраняющиеся транснациональные социальные связи.

В исследованиях влияния документных дисциплинарных режимов на формирование субъектности меньшинств обсуждаются последствия дигитализации и появления новых «технологий власти». По мнению Дэвида Лайона [28], стремительное распространение биометрических и электронных идентификационных документов приводит к финансовой и административной дискриминации социально незащищенных категорий населения, включая этнорасовые меньшинства. Открывая широкие возможности для дистанционного административного надзора, с одной стороны, и низового онлайн-потребления — с другой, эти документы способствуют формированию пассивных граждан, ориентированных на ценности консюмеризма, и тем самым подрывают гражданскую солидарность. Развивая тезис Д. Лайона, Бенджамин Мюллер [31, р. 280] считает новые технологии биометрической проверки личности «по-медицински нейтральным средством распознавания угроз», позволяющим сокрыть формы этнорасовой дискриминации. Согласно Б. Мюллеру, построение «общества надзора» и секьюритизация статуса гражданина перемещают вопросы гражданства из сферы нормальной соревновательной политики в сферу политики чрезвычайного положения. Принадлежность к нации и сопровождающие ее права отныне сложнее защищать и оспаривать публично, поскольку для этого сначала необходимо пройти государственное освидетельствование гражданского статуса, своеобразную «авторизацию» субъектности. Развитие биометрических технологий помогает свести гражданство к административной рутине управления идентичностью.

Тугба Басаран [12] показывает, что значение паспорта как технологии власти, формирующей субъектность граждан, возрастает в пограничных зонах, которые остаются нелиберальными даже на территории либеральных государств. С точки зрения Т. Басаран, пограничные зоны функционируют как лиминальные пространства из-за расхождения между территориальным охватом надзора и сферой действия либерального права. При этом даже в либеральных странах нелиберальность этих пространств не носит случайный или временный характер. Они представляют собой неотъемлемую часть системы

самозащиты национального государства. На основе данных интервью с британскими гражданами Ниша Капур и Кася Наркович [23] исследуют «депортационный поворот» в политике миграции последних десятилетий и характеризуют его как явление, которое размывает границы между гражданами и негражданами. Изъятие паспортов у лиц, подозреваемых в связях с террористами, которое все чаще практикуется полицией и спецслужбами национальных государств, не только лишает подозреваемых права на беспрепятственное перемещение. Оно также негативно сказывается на других — внутриполитических — аспектах их гражданства. Полицейские меры превращают представителей этнорасовых меньшинств в социально стигматизированных внутренних изгнанников.

Работы Дидье Фасана, Сары Мазуз и вышедшая до опубликования книги статья А.К. Байбурина сосредоточены на символическом конструировании субъектности граждан через организуемые государственными органами церемонии вручения идентификационных документов. Несмотря на то что в официальных церемониях во Франции и в России используются разные документы (внутренний паспорт и свидетельство о гражданстве), исследования выявляют схожие цели государственных органов. Д. Фасан и С. Мазуз [18], опираясь на качественные данные и дискурс-анализ прессы, анализируют церемонии натурализации во Франции как разработанный обряд перехода, ставящий целью превратить иностранца в гражданина. Однако французские ученые обнаруживают, что импровизации официальных лиц на этих церемониях нередко, напротив, культивируют чувства инаковости и отчужденности среди натурализуемых. А.К. Байбури [11], используя материалы архивов и устной истории, демонстрирует, что обряды вручения внутреннего паспорта молодежи способствовали в СССР символической валоризации как самого документа, так и советского гражданства. Государственные органы прилагали усилия к тому, чтобы превратить процесс получения индивидуального удостоверяющего личность документа в ритуал приобщения к почитаемой коллективной идентичности.

В своей книге А.К. Байбури рассматривает советский внутренний паспорт как «технологии управления» [1, с. 46]. Он описывает то, как советская бюрократическая система, руководствовавшаяся императивами учета и контроля, формировала «официальный портрет человека — каким он виделся государственной власти» [1, с. 38]: «В бюрократическом плане речь может идти о паспортном “другом”, о создании документного варианта человека, который должен быть инструментом управления “оригиналом”. При этом оригиналом становился паспорт, а человек — его несовершенной копией» [1, с. 449]. Прослеживая хронологию паспортизации в СССР, меняющиеся цели властей и территориальное разнообразие паспортных режимов, исследу-

дователь рассматривает паспорт и сопровождавший его «паспортный миф» как эффективные средства формирования советского общества и гражданина. Ведь паспорт стал «“главным” документом не только в метафорическом, но и в буквальном смысле» [1, с. 453], и даже низовые паспортные практики приводили к «встраиванию в паспортную систему» [1, с. 457], не нарушая «канонического отношения к паспорту» [1, с. 446].

Паспорт и низовые практики гражданства: идентичности в движении?

В свете наметившейся тенденции к укреплению границ и государственной безопасности эвристический потенциал подхода Дж. Торпи еще предстоит раскрыть в полной мере. Конкретные исследования, выполненные в русле этого подхода, уже внесли вклад в разработку вопросов институциональной и социальной истории, сравнительно-исторической социологии, миграции и гражданства, правоведения и социальной криминологии. Несмотря на это, в минувшее десятилетие, и особенно в самые последние годы, подход к паспорту как инструменту государственного и национального строительства подвергся критике.

Важно отметить, что, выдвигая свои аргументы, Дж. Торпи, М. Ллойд, К. Робертсон и М. Солтер сами делали оговорки относительно эффективности, масштабов и однонаправленности развития документного надзора. В первой главе своей книги Дж. Торпи [39, р. 6] отмечал: «Я не утверждаю, что государства и системы государств эффективно контролируют все передвижения людей, а лишь говорю о том, что государственные институты монополизировали полномочия по ограничению передвижения, устранив других потенциальных претендентов...» Одним из достоинств работы М. Ллойда является обстоятельный обзор истории подделки паспортов и низового производства фальшивок, которые позволяли разным социальным акторам беспрепятственно пересекать границы и уклоняться от навязанных идентичностей. К. Робертсон [35, р. 215–244] наглядно показывает и то, как белое население саботировало попытки правительства США установить документный режим проверки личности, и то, как паспорта использовались чернокожими рабами для борьбы за свои гражданские права. Он также хорошо описывает пародирование злоключений с паспортом в американской культуре и СМИ и «паспортное раздражение» (*the passport nuisance*), которое активно освещалось прессой и охватывало все большее число путешественников вплоть до 1930-х гг. Особенно привилегированные слои белокожего населения противились паспортизации, которая якобы ставила их на один уровень с подлецами и преступниками. Подводя под эмпирические наблюдения коллег теоретическую основу, М. Солтер отмечает, что паспортный режим не может полностью исключить перемещения населения, поскольку сам он является наглядной иллюстрацией

мощного внутреннего противоречия в системе международного обмена, а именно разнонаправленных стремлений государств к обеспечению экономического процветания и безопасности. Кроме того, М. Солтер призывает не переоценивать роль самого документа в социальном контроле, поскольку его выпуск зависит от других документов, выданных разными государственными органами. Полагать, что паспортный контроль может обеспечить государственную безопасность, безосновательно, поскольку паспорт остается лишь свидетельством о гражданстве, а не доказательством доброго характера. Идентификация и социальная категоризация человека происходят не только на межгосударственных границах [37, р. 2, 121, 149, 155].

Несмотря на высказанные замечания (см. также: [14, р. 4; 19, р. 97; 29]), авторы четырех влиятельных монографий и их последователи в начале 2000-х гг. продолжали интересоваться и фокусироваться преимущественно на институциональной, административной, дисциплинарной и символической мощи национального государства и ее последствиях. Даже А.К. Байбурин, уделивший большое внимание символизму внутреннего паспорта, его восприятию населением, низовым практикам оспаривания и обсуждения, заключает: «Неофициальное право [то есть отношение граждан к своему официальному образу и правилам паспортной системы] не было противопоставлено официальному. Скорее, оно являлось его продолжением...» [1, с. 455].

Более основательная критика научного понимания паспорта как средства «охвата» населения институтами национального государства и конструирования субъектности граждан исходит из недавних эмпирических работ, основанных на качественной методологии и сосредоточивающихся на изучении широкого спектра паспортного жизненного опыта — на использовании, значениях и интерпретациях паспорта его владельцами. Эти работы указывают на успешные низовые практики сопротивления, подрыва и обхода государственной политики.

Пионерной для данного направления стала книга Камала Садика «Бумажные граждане» [36]. Развивая идеи М. Солтера о зависимости паспорта от других документов и М. Ллойда о роли подделок в его истории, К. Садик критикует интуитивное для западного человека, но эмпирически необоснованное «предположение о различимости» граждан и неграждан (*distinguishability assumption*) [36, р. 7]. По мнению исследователя, дисциплинарная сила паспорта зависит от институциональной, нормативной и культурно-символической «инфраструктуры гражданства» [36, р. 6–10]. Но именно эта инфраструктура в развивающихся странах зачастую находится в плачевном состоянии — государственные органы оказываются попросту неспособными вести эффективный учет и контроль населения. В такой ситуации международные и внутренние мигранты в странах вроде Индии, Малайзии и Пакистана, приезжая на новое место, начинают «вести себя как полноправные граждане» и растворяются в местном

населении. Со временем они используют этнические связи в бюрократических структурах, чтобы нелегально или полулегально заполучить множество официальных документов, часть из которых применяются для идентификации. «Документное гражданство», как его именует К. Садик, со временем обращается в гражданство национальное, не меняя при этом этнических идентичностей и культур его обладателей. «Постепенное накопление бумаг ведет к завоеванию главной награды: настоящего... паспорта» [36, р. 106]. Концептуализация «документного гражданства» К. Садиком спровоцировала целую волну исследований «неформального гражданства» (см. обзор: [15]).

О расхождении паспортной и повседневной, проживаемой идентичности также говорят качественные исследования жизненного опыта обладателей множественного гражданства. Например, Элизабет Мавруди [30] изучает случай палестинских иммигрантов в Греции, которые принимают гражданство страны по прагматическим соображениям — для облегчения доступа к социальным благам, устройства на работу, безопасных путешествий за границу, обустройства семьи. Опираясь на данные интервью и включенного наблюдения, исследовательница обнаруживает, что «гибкое прагматичное гражданство» не указывает на формирование чувства принадлежности к принимающему государству и обществу, утерю палестинской идентичности или желание отказаться от палестинского гражданства. Те иммигранты, которые получают новый паспорт, продолжают сохранять сложные идентичности и множественные лояльности. Многие натурализовавшиеся палестинцы рассматривают греческий паспорт исключительно инструментально, и лишь некоторые воспринимают документ как доказательство своей привязанности к вновь обретенной Родине.

Созвучные Э. Мавруди идеи высказывают в своей новейшей статье Йосси Харпаз и Пабло Матеос [21]. Эти авторы говорят об «инструментальном повороте» в мировой практике гражданства, вызванном увеличением миграционных потоков, общей тенденцией к «десакрализации гражданства» в развитых странах и расширением двойного гражданства. Рассматривая случай получения гражданами Израиля паспортов стран Восточной Европы по праву происхождения, Й. Харпаз [20] приходит к выводу, что владельцы относятся к своим новым документам как к товару или частной собственности. Его информанты часто рассказывают о том, что они «покупают» паспорта или «восстанавливают права на собственность» своих предков. Для этого приобретатели обращаются к услугам частных посреднических агентств, не развивая никаких транснациональных контактов и не ступая на территорию своей «второй Родины». «Собственники» вторых паспортов затем используют свой новоприобретенный капитал в качестве инвестиции в личную безопасность — как надежный инструмент доступа к образованию и на рынки труда ЕС в случае возникновения

проблем в Израиле. Кроме того, восточноевропейский паспорт используется израильскими ашкеназами в качестве эмоционального и символического капитала. Он позволяет укрепить межпоколенческие семейные связи и подчеркнуть свой привилегированный статус в израильском обществе в сравнении с «неевропейскими» согражданами. Схожим образом Василики Неофотистос [32] обнаруживает, что граждане Македонии обращаются за болгарскими паспортами, потому что связывают свои личные неурядицы с отсутствием надлежащих документов и стремятся получить гражданство ЕС. «Билет в ЕС» нужен декларативным «болгарам» для расширения личных возможностей для путешествий, трудоустройства, социального обеспечения и потребления в развитых западных странах. В то же время информанты мало интересуются Болгарией и не меняют своей национальной или этнической идентичности.

Критический взгляд на аналитический подход к паспорту как инструменту национально-государственного строительства находит отражение в работе Скотта Литтлфилда [26]. Он рассматривает политику российских властей в отношении паспортизации жителей Абхазии и Южной Осетии. Исследователь описывает ситуацию, когда российское правительство не препятствовало распространению российских паспортов среди жителей пограничных регионов, а затем от имени своих зарубежных граждан деятельно поддержало сепаратистские движения в Грузии. Проще говоря, работа С. Литтлфилда и качественные исследования двойного гражданства демонстрируют, как паспорт может запустить процессы, потенциально ведущие к эрозии, разрушению национальных государств (о *nation-destroying* см.: [17, p. 42]).

Заключение

В последние два десятилетия, особенно после расширения надзорных и сыскных функций западных государств в ходе глобальной «войны с терроризмом» (*surveillance turn*), заграничный и внутренний паспорта, а также другие удостоверяющие личность документы стали активно изучаться социологами, историками, культурологами и антропологами, интересующимися вопросами гражданства. Дискуссия вокруг «самого путешествующего документа» (Мартин Ллойд) началась с его обсуждения как средства национального и государственного строительства. При этом становление институционально разветвленных суверенных государств и образование наций рассматривались, согласно конструктивистской теории национализма Э. Геллнера, как два тесно взаимосвязанных процесса. На первом этапе исследователи обращали основное внимание на то, как документ и сопутствующие ему административные и социальные практики использовались и используются в формировании современных национальных государств. По их мнению, механизмы паспортизации и бюрократического контроля способствовали достижению институциональной завершенности

государственных структур, усилению внутреннего и внешнего суверенитета. Они помогали очертить физические, социальные и культурные границы нации и дисциплинировать население, сделать его «оседлым», этнически однородным, зависимым от государственных институтов и воспитанным в духе следования установленным правилам³. В последнее время все большее число авторов исследуют низовые формы восприятия и практики использования паспортов. Они демонстрируют то, как паспорта помогают людям обойти попытки национальных государств «охватить» (от нем. *erfassen*) собственное население, выстроить такой режим гражданства, который ставит целью максимально вовлечь граждан и социально исключить неграждан⁴.

Когда-то Том Нейрн назвал национализм «двуликим Янусом». В свете новых исследований двуликим Янусом можно по праву считать и паспорт. В этом «документе документов» «сошлись предметность, символичность и ритуализированные практики» [1, с. 9], а также установления закона и обширная инфраструктура гражданства. Многоаспектность паспортного феномена позволяет социальным акторам разных уровней включать документ в процессы, способствующие как национально-государственному строительству, так и эрозии национальных государств. Кроме того, критическое изучение паспорта, являющегося ярким воплощением гражданства, помогает наметить контуры его эволюции на современном этапе, выработать эвристические подходы к пониманию феномена, рассмотреть различные аспекты российского гражданства (в том числе внутренний паспорт) в широкой сравнительной перспективе.

В последние годы в международных научных кругах теоретическую силу набирает концепция «перформативного гражданства». Как объясняет один из ее главных авторов Энгин Исин, перформативный взгляд на гражданство «как на процесс истребования прав самими разными социальными группами и политическими сообществами [лучше] отражает его творческие и преобразующие возможности». Такой взгляд «расширяет традиционное представление о гражданстве как о правовом институте... сосредоточивая внимание на [деятельных] перформативных актах или на том, как люди творчески воплощают [субъективно понимаемое] гражданство, а не просто следуют правилам» [22, р. 502]. «Границы между гражданами, чужаками и посторонними динамичны

³ Важно отметить, что термин «национальное государство» (*nation-state*) употребляется в литературе одновременно как антоним понятий «многонациональное государство» и «до-национальное государство» (например, империя, город-государство, княжество). Этим подчеркиваются тенденции всех современных государств к институциональной завершенности и той или иной форме культурной гомогенности.

⁴ О теоретизации гражданства как “internally inclusive and externally exclusive” см.: [13, р. 21].

и проницаемы именно потому, что они являются объектами социальной борьбы. Перформативное гражданство охватывает социальные группы не только внутри государств, но и между ними» [22, р. 506]. Еще одно преимущество новой перспективы заключается в том, что она помогает лучше анализировать широкий спектр проявлений «культурного гражданства», то есть растущих притязаний отдельных групп, включая мигрантов и этнорасовые меньшинства, на официальное признание их социально-культурных прав [33, р. 74–80].

Другими словами, концепция «перформативного гражданства» позволяет взглянуть за рамки гражданства как правового и институционального установления национального государства, проанализировать всю совокупность расширяющихся политических, социальных и культурных практик «внеационального» гражданства, таких как инструментальные паспортные практики. Вопрос, являются ли такие практики более ограниченными и приближенными к ожиданиям государства в обществах с более строгими дисциплинарными режимами идентификации, не имеет однозначного теоретического ответа. Согласно сравнительно-историческим исследованиям, деспотическая власть компенсирует недостаток инфраструктурной, а значит, более «глубокой», интернализированной и нормативно укорененной власти правительства.

В последние годы отечественные исследователи также призывают «отделаться от удобной дихотомии “гражданин — [национальное] государство”» и все больше говорят о множащихся «режимах гражданства» [6, с. 138, 142], «повседневном гражданстве», «новых моделях гражданства» [5, с. 38, 39]. О.Ю. Малинова [4, с. 8] предлагает определять гражданство как «совокупность политико-юридических и культурно-символических практик, осваиваемых носителями гражданского статуса». Н.В. Полякова [6, с. 140] пишет о растущих претензиях интернациональных игроков и «сообществ идентичности» на определение конфигураций гражданства и о непрерывном «производстве» его форм субъектами разных уровней. При этом обе исследовательницы напоминают читателям о неразрывной исторической связи гражданства с социальным конфликтом и предостерегают нас от восприятия современных тенденций как отклоняющегося развития, ведущего к подрыву исконной социальной солидарности и сплоченности. О.Ю. Малинова [4, с. 10] отмечает: «Если рассматривать гражданство с точки зрения не только прав и обязанностей, но и институционализированных практик, то описанная выше переменная [к дифференциации гражданства] окажется не столь уж радикальной».

Наконец, важно отметить, что, в отличие от англоязычной, в отечественной литературе устоялась практика различения «гражданства и гражданственности» (см.: [2; 5]). Такая терминология обладает эвристическим потенциалом. Ведь термин «гражданственность» как раз и предполагает наличие репертуара динамичных, деятельностных прак-

тик, перформативного гражданства [5, с. 39–40]. Важным, однако, является отказ от наметившейся тенденции использования концепта «гражданственность» в нормативном, воспитательном, а порой и охранительном ключе, а также увязывание его с национальным государством. Кроме того, различая гражданство и гражданственность, не стоит забывать и об «интеграции основных аспектов феномена гражданина» [9, с. 247]. Исследования паспорта хорошо демонстрируют взаимосвязь между международными и внутренними, дисциплинарными и идентификационными аспектами паспортных режимов, взаимозависимость низовых практик и выстраиваемой сверху инфраструктуры гражданства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байбурин А.К.* Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2017. — 488 с.
2. *Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В.* Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.
3. *Голдман В.* Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920 г. – начало 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 72–91.
4. *Малинова О.Ю.* Гражданство и политизация культурных различий: размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // Полис. 2004. № 5. С. 7–18. DOI:10.17976/jpps/2004.05.02
5. *Нартова Н.А.* Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250007742-9
6. *Полякова Н.В.* Гражданство: новые измерения в условиях глобализации // Политекс. 2013. № 9 (4). С. 135–142.
7. *Потемкина М.Н., Кузнецова И.В.* Паспортизации городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 46 (4). С. 167–173.
8. *Тарасов А.Ю.* Некоторые проблемы осуществления паспортизации в советском государстве в 30-е годы XX века // Право и образование. 2005. № 3. С. 222–231.
9. *Фан И.Б.* Западноевропейская модель национального гражданства в российских условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 246–254. DOI: 10.17223/1998863X/52/22
10. *Aktürk S.* Passport identification and nation-building in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol. 26. No. 4. P. 314–341. DOI: 10.2747/1060-586x.26.4.314
11. *Baiburin A.* Rituals of Identity: The Soviet Passport // Soviet and Post-Soviet Identities / Ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 91–110. DOI: 10.1017/cbo9780511894732.008
12. *Basaran T.* Security, law, borders: spaces of exclusion // International Political Sociology. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 339–354. DOI: 10.1111/j.1749-5687.2008.00055.x

13. *Brubaker R.* Citizenship and nationhood in France and Germany. Cambridge: Harvard University Press, 2009. — 270 p.
14. *Caplan J., Torpey J.* Introduction // Documenting Individual Identity: The development of state practices in the modern world / Ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 1–12. DOI:10.1515/9780691186856
15. *Chauvin S., Garcés-Mascareñas B.* Beyond informal citizenship: The new moral economy of migrant illegality // International Political Sociology. 2012. Vol. 6. No. 3. P. 241–259. DOI: 10.1111/j.1749-5687.2012.00162.x
16. *Cho L.* Citizenship, diaspora and the bonds of affect: The passport photograph // Photography and Culture. 2009. Vol. 2. No. 3. P. 275–287. DOI: 10.2752/175145109x12532077132310
17. *Connor W.* Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton: Princeton University Press, 1994. — 230 p.
18. *Fassin D., Mazouz S.* What is it to become French? Naturalization as a Republican rite of institution // Revue française de sociologie. 2009. Vol. 50. No. 5. P. 37–64. DOI: 10.3917/rfs.505.0037
19. *Garcelon M.* Colonizing the Subject: The genealogy and legacy of the Soviet internal passport // Documenting Individual Identity: The development of state practices in the modern world / Ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 83–100. DOI: 10.2307/j.ctv301fxj.9
20. *Harpaz Y.* Rooted Cosmopolitans: Israelis with a European Passport — History, Property, Identity // International Migration Review. 2013. Vol. 47. No. 1. P. 166–206. DOI: 10.1111/imre.12017
21. *Harpaz Y., Mateos P.* Strategic citizenship: negotiating membership in the age of dual nationality // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2019. Vol. 45. No. 6. P. 843–857. DOI: 10.1080/1369183x.2018.1440482
22. *Isin E.* Performative citizenship // The Oxford Handbook of Citizenship / Ed. by A. Shachar, R. Bauböck, I. Bloemraad, M. Vink. New York: Oxford University Press, 2017. P. 501–523. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198805854.013.22
23. *Kapoor N., Narkowicz K.* Unmaking citizens: passport removals, pre-emptive policing and the reimagining of colonial governmentalities // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42. No. 16. P. 45–62. DOI: 10.1080/01419870.2017.1411965
24. *Kessler G.* The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001. Vol. 42 (2–4). P. 477–504. DOI: 10.4000/monderusse.8464
25. *Kumar A.* Passport Photos. Berkeley: University of California Press, 2000. — 308 p.
26. *Littlefield S.* Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. No. 8. P. 1461–1482. DOI: 10.1080/09668130903134848
27. *Lloyd M.* The Passport. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2003. — 282 p.
28. *Lyon D.* National ID cards: Crime-control, citizenship and social sorting // Policing: A Journal of Policy and Practice. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 111–118. DOI: 10.1093/police/pam015
29. *Matthews M.* The Passport Society: Controlling movement in Russia and the USSR. Boulder: Westview Press, 1993. — 118 p.

30. *Mavroudi E.* Palestinians and pragmatic citizenship: Negotiating relationships between citizenship and national identity in diaspora // *Geoforum*. 2008. Vol. 39. No. 1. P. 307–318. DOI: 10.1016/j.geoforum.2007.07.001
31. *Muller B.J.* (Dis)qualified bodies: Securitization, citizenship and ‘identity management’ // *Citizenship Studies*. 2004. Vol. 8. No. 3. P. 279–294. DOI: 10.1080/1362102042000257005
32. *Neofotistos V.P.* Bulgarian passports, Macedonian identity: The invention of EU citizenship in the Republic of Macedonia // *Anthropology Today*. 2009. Vol. 25. No. 4. P. 19–22. DOI: 10.1111/j.1467-8322.2009.00678.x
33. *Pakulski J.* Cultural citizenship // *Citizenship Studies*. 1997. Vol. 1. No. 1. P. 73–86.
34. *Pipko S., Pucciarelli A.J.* The Soviet internal passport system // *The International Lawyer*. 1985. Vol. 19. No. 3. P. 915–919.
35. *Robertson C.* The Passport in America: The history of a document. New York: Oxford University Press, 2010. — 340 p.
36. *Sadiq K.* Paper Citizens: How illegal immigrants acquire citizenship in developing countries. Oxford: Oxford University Press, 2009. — 275 p. DOI: 10.1501/intrel_0000000275
37. *Salter M.B.* Rights of Passage: The passport in international relations. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003. — 195 p. DOI: 10.7202/010493ar
38. *Simonsen S.G.* Between minority rights and civil liberties: Russia’s discourse over “nationality” registration and the internal passport // *Nationalities Papers*. 2005. Vol. 33. No. 2. P. 211–229. DOI: 10.1080/00905990500088578
39. *Torpey J.* The Invention of Passport: Surveillance, citizenship and the state. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — 211 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ломоносов Матвей Юрьевич — PhD in Sociology (McGill University), профессор, Школа перспективных исследований, Тюменский государственный университет. **Телефон:** +7 (922) 268-03-63.
Электронная почта: m.lomonosov@utmn.ru

Дата поступления: 25.08.2020.

SOTSIOLIGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. No. 1. P. 76–96. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7845

MATVEY YU. LOMONOSOV¹

¹ University of Tyumen.

2, build. 1, 8 Marta str., 624001, Tyumen, Russian Federation.

PASSPORT AND CITIZENSHIP: NATION-BUILDING OR NATION-DESTRUCTION?

Abstract. The growing interest in migration, citizenship, and nationalism among scientists has led in the last two decades to the formation of an interdisciplinary field of critical passport studies. Initially passport scholars were following the institutionalist approach to nationalism, as well as the theories of disciplinary regime and surveillance society. Thus

they were focusing on how this travel document together with the associated institutional infrastructure, administrative and social practices have been used in developing modern nation-states by forging the physical, social and cultural boundaries of the nation and disciplining the citizens. More recently, an increasing number of scholars have been investigating the grassroots forms of the perceptions and practices of passport use. Their studies reveal how passports and passes can help citizens in navigating the attempts of nation-states to “bind” their own populations, as well as in subverting a citizenship regime that looks to involve citizens into national projects and socially exclude non-citizens. The review of critical literature on the passport allows us to conclude that the multidimensional nature of this document enables different social actors to involve it in both nation-building and nation-destruction. In light of this literature we can recognize the weakening of the link between citizenship and nation-state, and the fact that citizenship and civic consciousness are currently being produced by various actors at different societal levels.

Keywords: citizenship regime; identification documents; international migration; national identity; nation-building; passport; performative citizenship; surveillance society; technology of power.

For citation: Lomonosov, M.Yu. Passport and Citizenship: Nation-Building or Nation-Destruction? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 76–96. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.1.7845

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and EISR according to the project No. 19-011-31640.

REFERENCES

1. Bayburin A.K. *Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki*. [Soviet passport: history – structure – practice.] St Petersburg: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta publ., 2017. 488 p. (In Russ.)
2. Gavriilyuk V.V., Malenkov V.V., Gavriilyuk T.V. Modern models of Russian citizenship. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. No. 11. P. 97–106. (In Russ.)
3. Goldman V. Prose about the Soviet passport: workers and free resettlement (late 1920s early 1930s). *Novyi istoricheskii vestnik*. 2005. No. 12. P. 72–91. (In Russ.)
4. Malinova O.Yu. Citizenship and the politicization of cultural differences: Reflections on some trends in English-language political philosophy. *Polis*. 2004. No. 5. P. 7–18. DOI: 10.17976/jpps/2004.05.02 (In Russ.)
5. Nartova N.A. Citizenship as understood by St. Petersburg youngsters and their parents. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019. No. 12. P. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250007742-9 (In Russ.)
6. Polyakova N.V. Citizenship: new dimensions in the context of globalization. *Politeks*. 2013. No. 9 (4). P. 135–142. (In Russ.)
7. Potemkina M.N., Kuznetsova I.V. Passport system of the urban population of the USSR in the 1930s. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014. No. 46 (4). P. 167–173. (In Russ.)
8. Tarasov A.Yu. Some problems of the implementation of certification in the Soviet state in the 30s of the XX century. *Pravo i obrazovanie*. 2005. No. 3. P. 222–231. (In Russ.)
9. Fan I.B. The Western European model of national citizenship in Russian conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2019. No. 52. P. 246–254. DOI: 10.17223/1998863X/52/22 (In Russ.)
10. Aktürk S. Passport identification and nation-building in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2010. Vol. 26. No. 4. P. 314–341. DOI: 10.2747/1060-586x.26.4.314
11. Baiburin A. Rituals of Identity: The Soviet Passport. *Soviet and Post-Soviet Identities*. Ed. by I. Bassin, M. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 91–110. DOI: 10.1017/cbo9780511894732.008

12. Basaran T. Security, law, borders: spaces of exclusion. *International Political Sociology*. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 339–354. DOI: 10.1111/j.1749-5687.2008.00055.x
13. Brubaker R. *Citizenship and nationhood in France and Germany*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 270 p.
14. Caplan J., Torpey J. Introduction. *Documenting Individual Identity: The development of state practices in the modern world*. Ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 1–12. DOI: 10.1515/9780691186856
15. Chauvin S., Garcés-Mascreñas B. Beyond informal citizenship: The new moral economy of migrant illegality. *International Political Sociology*. 2012. Vol. 6. No. 3. P. 241–259. DOI: 10.1111/j.1749-5687.2012.00162.x
16. Cho L. Citizenship, diaspora and the bonds of affect: The passport photograph. *Photography and Culture*. 2009. Vol. 2. No. 3. P. 275–287. DOI: 10.2752/175145109x12532077132310
17. Connor W. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. Princeton: Princeton University Press, 1994. 230 p.
18. Fassin D., Mazouz S. What is it to become French? Naturalization as a Republican rite of institution. *Revue française de sociologie*. 2009. Vol. 50. No. 5. P. 37–64. DOI: 10.3917/rfs.505.0037
19. Garcelon M. Colonizing the Subject: The genealogy and legacy of the Soviet internal passport. *Documenting Individual Identity: The development of state practices in the modern world*. Ed. by J. Caplan, J. Torpey. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 83–100. DOI: 10.2307/j.ctv301fxj.9
20. Harpaz Y. Rooted Cosmopolitans: Israelis with a European Passport — History, Property, Identity. *International Migration Review*. 2013. Vol. 47. No. 1. P. 166–206. DOI: 10.1111/imre.12017
21. Harpaz Y., Mateos P. Strategic citizenship: Negotiating membership in the age of dual nationality. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45. No. 6. P. 843–857. DOI: 10.1080/1369183x.2018.1440482
22. Isin E. Performative citizenship. *The Oxford Handbook of Citizenship*. Ed. by A. Shachar, R. Bauböck, I. Bloemraad, M. Vink. New York: Oxford University Press, 2017. P. 501–523. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198805854.013.22
23. Kapoor N., Narkowicz K. Unmaking citizens: passport removals, pre-emptive policing and the reimagining of colonial governmentalities. *Ethnic and Racial Studies*. 2019. Vol. 42. No. 16. P. 45–62. DOI: 10.1080/01419870.2017.1411965
24. Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42 (2–4). P. 477–504. DOI: 10.4000/monderusse.8464
25. Kumar A. *Passport Photos*. Berkeley: University of California Press, 2000. 308 p.
26. Littlefield S. Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia. *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No. 8. P. 1461–1482. DOI: 10.1080/09668130903134848
27. Lloyd M. *The Passport*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2003. 282 p.
28. Lyon D. National ID cards: Crime-control, citizenship and social sorting. *Policing*. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 111–118. DOI: 10.1093/police/pam015
29. Matthews M. *The Passport Society: Controlling movement in Russia and the USSR*. Boulder: Westview Press, 1993. 118 p.
30. Mavroudi E. Palestinians and pragmatic citizenship: Negotiating relationships between citizenship and national identity in diaspora. *Geoforum*. 2008. Vol. 39. No. 1. P. 307–318. DOI: 10.1016/j.geoforum.2007.07.001
31. Muller B.J. (Dis)qualified bodies: securitization, citizenship and 'identity management'. *Citizenship Studies*. 2004. Vol. 8. No. 3. P. 279–294. DOI: 10.1080/1362102042000257005

32. Neofotistos V.P. Bulgarian passports, Macedonian identity: The invention of EU citizenship in the Republic of Macedonia. *Anthropology Today*. 2009. Vol. 25. No. 4. P. 19–22. DOI: 10.1111/j.1467-8322.2009.00678.x
33. Pakulski J. Cultural citizenship. *Citizenship Studies*. 1997. Vol. 1. No. 1. P. 73–86.
34. Pipko S., Pucciarelli A.J. The Soviet internal passport system. *The International Lawyer*. 1985. Vol. 19. No. 3. P. 915–919.
35. Robertson C. *The Passport in America: The history of a document*. New York: Oxford University Press, 2010. 340 p.
36. Sadiq K. *Paper Citizens: How illegal immigrants acquire citizenship in developing countries*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 275 p. DOI: 10.1501/intrel_0000000275
37. Salter M.B. *Rights of Passage: The passport in international relations*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003. 195 p. DOI: 10.7202/010493ar
38. Simonsen S.G. Between minority rights and civil liberties: Russia’s discourse over “nationality” registration and the internal passport. *Nationalities Papers*. 2005. Vol. 33. No. 2. P. 211–229. DOI: 10.1080/00905990500088578
39. Torpey J. *The Invention of Passport: Surveillance, citizenship and the state*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 211 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matvey Yu. Lomonosov — PhD in Sociology (McGill University), Professor, School of Advanced Studies, University of Tyumen.

Phone: +7 (922) 268-03-63. **Email:** m.lomonosov@utmn.ru

Received: 25.08.2020.
